

КАТЕГОРИЯ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ПРЕЗИДЕНТСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

О. В. Спиридовский

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 5 февраля 2013 г.

Аннотация: статья посвящена изучению языковых способов реализации категории «выразительность» в президентском дискурсе США. На примере синтаксических средств доказывается, что эти способы образуют систему, функцией которой является не столько придание сообщению выразительности, сколько воздействие на получателя в контексте борьбы за власть.

Ключевые слова: коммуникативная категория выразительности, президентская коммуникация, синтаксическая выразительность.

Abstract: the article studies expressive language means in the presidential discourse of the USA. Placing particular emphasis on the syntactic analysis the author proves that these means comprise the system aimed not only to make a text expressive but to influence its recipient with the intention to get power.

Key words: expressive language means, presidential communication, syntactic expressiveness.

Выразительность как коммуникативная категория

Вопрос о сущности понятия «выразительность» в лингвистике актуален как с теоретической точки зрения, так и с практических позиций. Проблема выразительности речи, ее экспрессивного потенциала и выразительно-изобразительных средств традиционно рассматривается в лингвистической науке с общетеоретических позиций, например в стилистике речи (текста) [1; 2]. По мнению Г. Я. Солганика, стилистическая грамотность, формирование которой составляет одну из главных задач стилистики, предполагает в том числе и «умение оценить выразительность того или иного языкового средства» [2, с. 11]. С другой стороны, в последние годы внимание исследователей частных разновидностей дискурса привлекают механизмы и практические способы придания выразительности сообщениям в художественном тексте, деловой коммуникации, юридическом дискурсе или политической сфере [3–6]. Очевидно, что успех общения во всех этих и многих других социальных сферах напрямую зависит от того, насколько полно и эффективно оратор использует возможности усиления выразительности своего дискурса, какие уровни и типы выразительности им задействованы и т.д. Например, выступления на одну и ту же тему двух разных ораторов будут иметь различный риторический эффект, определяемый манерой презентации, разнообразием и уместностью используемых лексических тропов и синтаксических фигур речи, избранным стилем изложения. Необходимо отметить и тесную взаимосвязь между умением использовать

категорию выразительности в дискурсе и весьма востребованным в современном обществе умением убеждать и воздействовать.

Несмотря на кажущуюся доступность для понимания термина «выразительность речи», представляется целесообразным определить с его интерпретацией, рассмотрев совокупность точек зрения, отражающих содержание понятия выразительности. Общим местом рассматриваемых определений можно признать основное назначение средств категории выразительности: маркировка степени и возможности взаимного влияния коммуникантов. Действительно, придание коммуникативному сообщению выразительности приобретает смысл только в связи со стремлением одного из участников общения повлиять на восприятие этого сообщения собеседником. Более того, выразительность появляется у сообщения только как оценка в глазах собеседника, что указывает на диалогичность категории выразительности. О диалогическом характере рассматриваемой категории свидетельствуют и трактовки различных авторов, заявляющих о том, что выразительность речи обеспечивается такими особенностями «ее структуры, которые поддерживают внимание и интерес у слушателя или читателя (курсив наш. – О. С.)» [7, с. 182], проявляет себя как «свойство речи обращать на себя внимание и запоминаться» [8, с. 126], представляет собой совокупность приемов «использования языка для достижения конечной цели – убедить, доказать» [9, с. 38]. Наконец, несколько более широкое (хотя в конечном итоге вновь акцентирующее внимание на факторе адресата) определение выразительности обнаруживаем в энциклопедическом словаре-справочнике, изданном под редакцией А. П. Сковородни-

кова, где сообщается, что «выразительность речи – это совокупность таких ее качеств (прежде всего – целесообразности, уместности, точности, логичности, ясности, экспрессивности), которые обеспечивают полноценное (максимально приближенное к адекватному пониманию передаваемой информации) восприятие речи адресатом» [1, с. 90].

Вопрос о построении завершенной типологии средств выразительности остается до сих пор открытым, о чем свидетельствует неоднородность существующих классификаций, основанных на разнопорядковых признаках. Близким к комплексному описанию выразительных средств, вероятно, является следующая их классификация: 1) фонетические [10]; 2) лексические; 3) словообразовательные; 4) грамматические; 5) стилистические (тропы и стилистические фигуры); 6) невербальные (в устной речи); 7) графические (в письменной коммуникации) [1, с. 91].

Таким образом, общетеоретическая значимость категории выразительности в лингвистике, высокая практическая востребованность этой категории при описании и осуществлении процессов, протекающих в социальных сферах коммуникации, существование сложной типологии средств, служащих реализации этой категории, позволяют называть выразительность одной из константных коммуникативных категорий (наряду с авторитетностью, достоверностью, агрессивностью, толерантностью, ритуальностью и др.) [11, с. 174–176; 12, с. 7–23; 13, с. 53–124]. В качестве общего признака, объединяющего все перечисленные категории, следует назвать их *стратегический* характер. По сути, коммуникативные категории авторитетности, выразительности, достоверности, агрессивности, толерантности (и, возможно, некоторые другие) закладывают мотивационную основу, задают стратегическое направление, которое детерминирует совершение человеком тех или иных действий (в том числе действий с помощью слов). В этом смысле есть все основания полагать, что интенциональность и мотивированность дискурса обладают большей силой и значимостью, чем его структура и форма, поскольку дискурсант сначала желает добиться чего-либо или испытывает потребность в чем-либо, а уже затем выстраивает соответствующую желанием и потребностям последовательность дискурсивных шагов, «наделяет желаемое и обстоятельства его достижения именами» [12, с. 19].

Категория выразительности в политической сфере

Остановимся более подробно на специфике реализации категории выразительности в политической сфере. Данная категория является одновременно и целью, и средством дискурсивной деятельности в политике, а совокупность способов ее реализации

становится действенным инструментом в борьбе за власть [13]. Согласно традиции анализа дискурса как социальной практики, идущей от П. Бурдьё, способность слов творить и поддерживать социальные отношения несомненна. Данный автор подчеркивает, что «политика является исключительно благодатным местом для эффективной символической деятельности, понимаемой как действия, осуществляемые с помощью знаков, способных производить социальное» [14, р. 90]. Традиция анализа социально и институционально обусловленных видов дискурса с точки зрения их вклада в трансформацию общественных отношений и практик активно поддерживается и продолжается в отечественных исследованиях. Например, в понимании Е. А. Кожемякина политический дискурс является ярким примером продуктивного смыслопорождающего феномена, представляющего собой смыслообразующую и смысловоспроизводящую деятельность, направленную на формирование, поддержание и изменение отношений доминирования и подчинения в обществе [15, с. 53–54].

Продолжая мысль П. Бурдьё, заметим, что любой фрагмент политического дискурса получает некоторую стоимость на рынке лингвистических действий, которая повышается вслед за повышением выразительности данного вида дискурса. Это связано, в первую очередь, с открытостью публичной политики, в которой ключевая роль принадлежит мотивам состоятельности и театральности процесса общения [16, с. 84–88]. Политический дискурс, рассматриваемый нами как система отношений субъектов политической коммуникации и языковых средств конструирования этих отношений, мотивирован борьбой за власть (за ее получение или распределение), приобретающей те или иные дискурсивные формы. Постепенное снижение роли обычных вооружений и переход к концепции высокотехнологичной информационной войны способствуют концептуальному метафорическому осмыслению роли языка как «дискурсивного оружия» в обществе [17, с. 236; 18]. В целом ряде жанров политического дискурса (прежде всего, агональных) состязание между оппонентами становится именно коммуникативным состязанием, в котором выразительность самопрезентации политика имеет ключевое значение. Кроме того, в условиях опосредованности общения в политическом дискурсе средой массмедиа появляются предпосылки для театрализации политических событий, в которых народ оказывается в положении не обычного адресата, а скорее зрителя, который, однако, раньше или позже выступит, согласно Аристотелю, судьей или того, что уже свершилось, или же того, что может свершиться [19]. Этим можно объяснить стирание границы между программой новостей и развлекательным шоу, популяризацию политики, символическую

политику или политику театра, основанную на аффективном воздействии на зрителя и специально сконструированных образах и имиджах.

Отметим также, что в отдельных разновидностях политического дискурса (например, в президентском или патриотическом) особую смысловую нагрузку получает уже не просто языковой код (лексический, грамматический или фонетический), а система представлений своих и чужих культурных концептов, их эмоциональное осмысление и переживание, способы их аксиологической репрезентации [20; 21]. Такие идеологически маркированные разновидности дискурса отличаются обширным морально-оценочным потенциалом, для них характерны консолидация сторонников в единую группу (конструирование *своего* пространства) и отграничение от ценностно противоположной территории *чужих*.

В такой ситуации выразительность дискурса становится весьма важным аргументом в борьбе за сохранение и повышение статуса субъекта политики (не только коммуникативного, но даже и социально-административного), т.е. формирует пространство презентационного и персуазивного политического дискурса в качестве его базовой категории.

Политическая коммуникация позволяет реализоваться власти и политикам, а одним из механизмов этой реализации служит категория выразительности, эксплицирующаяся главным образом на лексико-стилистическом и синтактико-стилистическом уровнях. Во втором случае необходимо говорить о различных *фигурах речи*, т.е. о таких преимущественно синтаксических приемах, которые способствуют созданию риторического эффекта на уровне предложений или частей предложений. Система методов и приемов анализа стилистических фигур разработана достаточно полно на материале художественного дискурса, в то время как исследование соответствующей системы языковых средств выразительности политического дискурса еще нуждается в ряде дополнений и уточнений. Кроме того, изучение политического языка представляет правомерный исследовательский интерес, особенно в случае, когда язык политики, сближаясь с языком художественного произведения, проявляет признаки выразительности и образности, становится нетривиальным и запоминается. В этом же смысле исследователи говорят о стремлении языка к полюсу эмоциональности [16], о поэтической функции языка [22].

Синтаксические средства реализации категории выразительности в президентском дискурсе США

К числу элементов, образующих систему средств реализации категории выразительности в политическом

дискурсе, прежде всего, следует отнести метафоры, эвфемизмы (лексический уровень); синтаксический параллелизм, градацию, побудительные предложения, риторические вопросы (синтаксический уровень).

Рассмотрим средства реализации синтаксической выразительности в американском президентском дискурсе. Выбор такого объекта исследования обусловлен, во-первых, устойчивостью института президентства в американской лингвокультуре и высоким статусом фигуры президента США (как административным, так и коммуникативным). Во-вторых, синтаксис, являясь важнейшим стилиобразующим средством, обладает сильным воздействующим потенциалом и способен выдвинуть смысловую градацию в центр внимания в зависимости от коммуникативно-прагматической установки адресанта.

В целях воздействия на аудиторию президенты используют, например, *восходящую градацию* (*климакс*) и *нисходящую градацию* (*антиклимакс*). Примером восходящей градации могут служить слова американского президента Барака Обамы: «*At stake right now is not who wins the next election – after all, we just had an election. At stake is whether new jobs and industries take root in this country, or somewhere else. It's whether the hard work and industry of our people is rewarded. It's whether we sustain the leadership that has made America not just a place on a map, but the light to the world*» (State of the Union Address, 25 января 2011 г.). В данном примере восходящая смысловая градация сочетается с вариативным анафорическим повтором, что можно рассматривать как конвергенцию стилистических приемов.

В случае нисходящей градации наблюдается развитие темы сообщения (как правило, единой) от наиболее объемной смысловой части к менее крупным смысловым отрезкам. Так, характеризуя состояние США в конце 1990-х гг., президент Билл Клинтон переходит от раскрытия проблем страны в целом к описанию конкретных проблем ее граждан и строит свое выступление на приеме нисходящей градации: «*America stands alone as the world's indispensable nation. Once again, our economy is the strongest on Earth. Once again, we are building stronger families, thriving communities, better educational opportunities, a cleaner environment*» (20 января 1997 г.).

Следует также остановиться на такой разновидности фигур прибавления, как *синтаксический параллелизм*. Под ним мы понимаем повтор однотипных синтаксических единиц в однотипных синтаксических позициях. В итоговой предвыборной речи «My Vision for America» незадолго до решающего дня голосования в 2012 г. Б. Обама говорит о положительном опыте управления страной, накопленном Демо-

кратической партией США: «*Our economy created 23 million new jobs. Incomes rose. Poverty fell. Deficits became the biggest surplus in history*» (3 ноября 2012 г.). Последовательность синтаксически параллельных предложений раскрывает успешную стратегию демократов, в которой каждый новый шаг опирается на предыдущий.

По замечанию австрийского лингвиста Б. Кеттемана, синтаксический параллелизм улучшает восприятие содержания параллельных структур, а аудитория при этом получает дополнительные позитивные эмоции от того, что снова узнает в речи политика ту самую структуру [23, S. 180]. Кроме того, автор полагает, что синтаксический параллелизм в политике часто помогает отправителю сообщения подчеркнуть контраст между самим собой и своим оппонентом. Так, президент США Джордж Буш-ст. в предвыборной речи «Acceptance Speech» на съезде Республиканской партии неоднократно совмещает параллелизм и антитезу: «*He sees America as I see America as ...*» (Дж. Буш-ст., 18 августа 1988 г.). В том же риторическом произведении жанра «Acceptance Speech» (т.е. речи, произносимой кандидатом в президенты на съезде партии накануне выборов) находим целую серию подобных противопоставлений. Например, «*They talk, we deliver. They promise, we perform*». Еще одна цитата из того же источника ярко показывает, как синтаксический параллелизм помогает вести заочную полемику с политическим противником: «*Two parties this year ask for your support, but only one has proved it can deliver. Two parties this year ask for your trust, but only one has earned it*».

В политическом дискурсе большое распространение получают не только повествовательные, но и вопросительные предложения, а точнее *риторические вопросы*. Принимая во внимание точку зрения, согласно которой политический дискурс тяготеет к агрессии и монологичности по линии «политик → граждане», следует признать, что риторические вопросы в политической сфере могут использоваться как инструмент власти, как имитация диалогизации общения. Приведем пример из американского президентского дискурса, в котором риторические вопросы, косвенно обращенные к оппонентам из Республиканской партии, следуют один за другим и выражают утверждения в формально вопросительной форме. «*Are they against putting teachers and police officers and firefighters back on the job? Are they against hiring construction workers to rebuild our roads and bridges and schools? Are they against giving tax cuts to virtually every worker and small business in America?*» (Б. Обама, 1 октября 2011 г.).

С нашей точки зрения, существует еще одна синтаксическая проблема политического дискурса, на которую следует обратить особое внимание. Это проблема функционирования *побудительных предложений* в президентской риторике (с позиций жанровой классификации к ним относятся призывы, здравицы, тосты и др.). Побудительные предложения обеспечивают выразительность президентской риторики, придают ей дополнительный эмоциональный характер. Особый случай представляет собой конструкция «*May somebody / something do something*». По данным нашего эмпирического материала, сфера ее функционирования достаточно ограничена. Как правило, такие конструкции встречаются в заключительной части риторического произведения и относятся к категории речевых актов «директивы» и призывающему типу речи. Приведем следующий пример, содержащий одновременно и анафору. «*May we pursue the right – without self-righteousness. May we know unity – without conformity. May we grow in strength – without pride in self. May we, in our dealings with all peoples of the earth, ever speak truth and serve justice*» (Дж. Буш-ст., 1991 г.). Данным высказыванием президент призывает сограждан к справедливости, единству, силе и правде и в то же время предостерегает их от эксплуатации высоких идеалов. Интересно, что построенные таким образом высказывания часто обращены к Богу. Например, в 2004 г. президент Джордж Буш-мл., принимая участие в президентских теледебатах, завершил свое заключительное слово следующим образом: «*May God continue to bless our great land*» (Дж. Буш-мл., 30 сентября 2004 г.). В этом случае пересечение политического и религиозного дискурса создает дополнительную пафосность и торжественность. Так, и президент Б. Обама для окончания своего второго инаугурационного обращения выбирает риторически маркированную конструкцию: «*God bless you, and may He forever bless these United States of America*» (21 января 2013 г.).

Подводя итоги проведенного анализа, представляется необходимым акцентировать ряд наиболее существенных положений. Категория выразительности – одна из важнейших и востребованных коммуникативных категорий – приобретает особую актуальность в исследованиях некоторых социальных сфер коммуникации и их жанров. В частности, можно говорить о высокой значимости выразительности в сфере политического общения, чему способствует сам политический дискурс, многие действия в котором являются речевыми по своей природе. Следовательно, именно выразительность дискурса в политической сфере придает убедительность речи и повышает ее воздействующий потенциал.

К мотивам, лежащим в основе использования разноуровневых средств категории выразительности в политическом дискурсе, следует отнести стремление высказаться ярко и нетривиально, сделать свои слова запоминающимися, а также желание придать речи торжественный характер, подчеркивающий важность самого факта ее произнесения и статуса говорящего.

Американский президентский политический дискурс представляет собой ценностно маркированный вид общения, для которого свойственна особая смысловая нагрузка, поскольку президент США выступает в роли национального лидера, выполняющего самые разнообразные функции – как административные, так и риторические. Такая ситуация создает благоприятные условия для реализации категории выразительности с помощью языковых средств различных уровней и типов, среди которых значительное место занимают синтаксические средства – градации, синтаксические параллелизмы, риторические вопросы, побудительные предложения. Полагаем, все эти лингвистические средства могут быть объединены под эгидой общего смыслового начала, заключающегося в эмфатическом маркировании дискурса как нетривиального и осложненного с ценностной и когнитивной точек зрения. В этом случае с позиций прагматики установка говорящего состоит в привлечении внимания аудитории к высказыванию, а с позиций семантики – в сообщении адресату ценностных установок и когнитивных сведений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты : энциклопедический словарь-справочник / под ред. А. П. Сковородникова. – М. : Флинта : Наука, 2005. – 479 с.
2. Солганик Г. Я. Практическая стилистика русского языка : учеб. пособие / Г. Я. Солганик. – М. : Академия, 2006. – 298 с.
3. Бабенко Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 496 с.
4. Бредемайер К. Черная риторика : власть и магия слова / К. Бредемайер. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2005. – 224 с.
5. Зархина С. Э. Античные истоки философской юрислингвистики / С. Э. Зархина // Юрислингвистика-9 : истина в языке и праве : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н. Д. Голева. – Кемерово ; Барнаул : Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2008. – С. 6–12.
6. Хазагеро Г. Г. Политическая риторика / Г. Г. Хазагеро. – М. : Николо-медиа, 2002. – 313 с.
7. Головин Б. Н. Основы культуры речи / Б. Н. Головин. – М. : Высшая школа, 1988. – 319 с.
8. Хазагеро Г. Г. Риторика для делового человека : учеб. пособие / Г. Г. Хазагеро, Е. Е. Корнилова. – М. : Флинта : МПСИ, 2001. – 133 с.
9. Солганик Г. Я. Язык и стиль передовой статьи / Г. Я. Солганик. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1973. – 75 с.
10. Сейранян М. Ю. Роль просодии в реализации риторической ориентированности академической публичной речи (фонетическое исследование на материале британских публичных выступлений) : дис. ... канд. филол. наук / М. Ю. Сейранян. – М., 2003. – 202 с.
11. Голев Н. Д. Толерантность как вектор антиномического бытия языка / Н. Д. Голев // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности / отв. ред. Н. А. Купина и М. Б. Хомяков. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. ун-та, 2003. – С. 174–191.
12. Кашкин В. Б. Авторитетность как коммуникативная категория / В. Б. Кашкин // Авторитетность и коммуникация. Серия «Аспекты языка и коммуникации». – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т : Издательский дом Алейниковых, 2008. – Вып. 4. – С. 7–23.
13. Спиридовский О. В. Президентская риторика США и Европы / О. В. Спиридовский. – Саарбрюккен : Изд-во Lambert Academic Publishing, 2011. – 200 с.
14. Bourdieu P. Language and Symbolic Power / P. Bourdieu. – Cambridge : Polity Press, 1991. – 301 p.
15. Кожемякин Е. А. Производство знания в политическом дискурсе : социально-эпистемологический взгляд / Е. А. Кожемякин // Политическая лингвистика : научный журнал. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2011. – Вып. 4 (38). – С. 52–57.
16. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – Волгоград : Перемена, 2000. – 368 с.
17. Плотникова С. Н. Дискурсивное оружие как тип информационного оружия : политический аспект / С. Н. Плотникова // Современная политическая лингвистика : проблемы, концепции, перспективы : сб. науч. тр. – Волгоград : Перемена, 2009. – С. 231–239.
18. Bolinger D. Language, the Loaded Weapon : the use and abuse of language today / D. Bolinger. – London ; New York : Longman, 1980. – 214 p.
19. Аристотель. Риторика. Поэтика / Аристотель. – М. : Лабиринт, 2005. – 253 с.
20. Декленко Е. В. Лингвокультурологический аспект патриотического дискурса : дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Декленко. – Челябинск, 2004. – 224 с.
21. Клинова А. А. Вербализация американских ценностей в дискурсе массмедиа о Японии : на материале периодической печати США : дис. ... канд. филол. наук / А. А. Клинова. – Владивосток, 2008. – 249 с.

22. Якобсон Р. О. Речевая коммуникация. Язык в отношении к другим системам коммуникации / Р. О. Якобсон // Избранные работы. – М. : Прогресс, 1985. – С. 306–330.

Воронежский государственный университет

Спиридовский О. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории перевода и межкультурной коммуникации

E-mail: olegspirid@mail.ru

Тел.: 8-920-465-28-33

23. Kettemann B. Strategien der Überzeugung in George Bush's acceptance speech / B. Kettemann // Sprache in der Politik – Politik in der Sprache : Analysen zum öffentlichen Sprachgebrauch [Hg. F. Menz, R. Wodak]. – Klagenfurt : Drava, 1990. – S. 179–191.

Voronezh State University

Spiridovsky O.V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Translatology and Intercultural Communication Department

E-mail: olegspirid@mail.ru

Tel.: 8-920-465-28-33